

Вдалеке кто-то сражался. Возможно, что это демоны. Казуя думал выяснить, но не мог найти в себе мотивации. Он ещё никогда не чувствовал себя таким одиноким. Где-то в глубине души он знал, что Юка мертва. Он тоже должен быть мёртв, так почему он всё ещё думает? Если она умерла, то всё потеряно. Какой смысл...

Следы борьбы в комнате матери... Почему никто из них ничего не слышал? Даже Паскаль не заметил, что что-то пошло не так.

Последние несколько лет прошли в настоящей борьбе. Сначала он потерял отца, затем мать смертельно заболела. Но он подбадривал её, как мог, поддерживал, когда её шансы на выздоровление были невелики. Тёмная полоса их жизни подходила к концу, и светлая должна была начаться после его с Юкой свадьбы.

А потом его мать умерла так... так напрасно. Она открыла демону окно или он сам пробрался? Сцена превратилась в размытое пятно, а затем сменилась...

У изголовья могилы, прямо на краю поляны, где качалась высокая трава, стоял каменное надгробье. С ним стояла Юка, но с ней было что-то не так. Хоть он не узнал это место, но всё равно было ощущение, что он его знает. Один из их сыновей был мёртв, но при этом потеряли они двоих. Он сделал всё возможное, чтобы они могли поладить, но что-то уже давно предопределило такой итог.

Странная сцена исчезла, но груз вины и сожаления остались. Почему?

После тяжёлой тишины его привлекли болтовня и суэта школьников. Казуя огляделся и обнаружил себя в школе Китидзэди, в знакомых коридорах, по которым он когда-то ходил. Среди детей напротив не нашлось знакомых лиц. Нет, подождите, у шкафчиков стоял мальчик в очках с толстыми стёклами. Униформа и обувь Дзина выглядели старыми и изношенными.

— Эй, четырёхглазый, я слышал ты теперь ещё и носишь дурацкие брекеты. — поддразнил его другой мальчик.

— Заткнись! — сказал Дзин, который действительно носил в то время брекеты.

— Не верится, что твоя мама могла их себе позволить, она же незамужняя карга. — задиравший его мальчик не остановился.

— Закрой свой рот! — рявкнул Дзин, ударив того парня по лицу.

Одному из учителей пришлось вмешаться, чтобы остановить их драку. Их обоих сурово наказали за драку в школе.

В очередной внезапный сдвиг Казуя увидел уже повзрослевшего Дзина в грязном доме в компании других подростков из банды скейтбордистов.

— Это очередная на**ка! — сказал он парню старше него. — Они скажут нам изучать их дерьмо и заставят платить деньги, которые набьют им кошельки. Они ничем не отличаются не отличаются от мессианцев.

— Ни в коем случае, эти геянцы совсем другие. — сказал старший, собираясь огреть Дзина. — Как ты можешь быть таким слепым идиотом, чтобы не видеть этого.

Тот вовремя отреагировал и защитил очки рукой.

— Как вы, ребята, можете быть такими идиотами, чтобы слепо верить им? — в гневе спросил Дзин. — Они тоже стремятся использовать и ломать людей.

— Но они сказали, что собираются призвать Люцифера и уничтожить всех придурков, которые пытаются контролировать мир ради собственной выгоды. — сказал другой мальчик.

— Кому нужны эти дурацкие старые боги и черти, если они сами ничего не могут сделать? — спросил Дзин. — Мы можем заработать себе имя своими собственными силами и сами сделать мир лучше.

— Говорит слабак, которые не может поднять даже сотни фунтов. — сказал старший, рассмешив остальных.

— Раз вы так хотите, тогда я ухожу! — заявил Дзин и прошептал то, что услышал только Казуя. — Я уже потерял свою семью из-за таких уродов и не собираюсь ждать, когда и вы тоже станете тупым стадом баранов.

Затем Казуя снова оказался на травянистой поляне. Каменного надгробия больше не было, но был Дзин. Он был одет совсем по-другому, в довольно простую и совсем не современную одежду. Очков на нём, разумеется, тоже не было.

— Ты любил свою мать. — сказал Казуя. — Ты всё ещё любишь её?

Мерцание, и Дзин предстал перед ним уже в современной одежде.

— Это уже не имеет значения, они все ушли. — с горечью и слезами сказал он. — Она даже не моя настоящая мать. Она думает, что я не знаю, но... Она всё ещё заботится обо мне, пока...

Затем его одежда снова стала древней.

— Мне не нравится, когда меня сравнивают с другими. Я сделал всё, что мог, но этого было недостаточно. Что бы это ни было, этого всегда недостаточно.

— Он тоже совершал ошибки. — сказал Казуя, хотя совсем не понимал, почему он это говорит.

— И всё равно остаётся нашим безупречным избранным, которого мне никогда не нагнать. — сказал Дзин, затем повернулся, чтобы посмотреть на бескрайние, залитые лунным светом равнины. — Я знаю, что это опасно, но мне нравится быть здесь ночью. Смотреть. Как ветер гуляет по полям, луна и звёзды сияют во тьме... Разве не кажется. Что они могут говорить с тобой и научить тебя вещам, которые дневное время никогда не покажет?

Не успел Казуя ответить, как сцена сменилась, и его переместило к другой группе детей на игровой площадке.

— Я слышал, его мать нечиста, значит он сам должен быть нечист. — сказал один из мальчиков, пугая и развлекая других детей вместе с ним. Все они продолжали игнорировать другого ребёнка, и Казуя чувствовал, что это будет продолжаться очень долго.

Этим мальчиком был Аллен. Он плакал от их дразнилок и пошёл к одному из учителей, наблюдавших за ними. Но его просьба вернуться внутрь во до конца перерыва была отклонена. Вместо этого, ему дали небольшую книгу и сказали учиться, если он не собирается играть.

Видение мелькнула, и снова появился Аллен, всё ещё изучавший священные писания, вместо того, чтобы общаться с одноклассниками. Он был полностью поглощён ими, улыбаясь и расслабляясь в библиотеке.

Всё изменилось, когда прозвенел звонок. Аллен сразу же напрягся, его улыбка сменилась беспокойством, поскольку ему нужно спешить на следующий урок. Мимо него прошла пара девушек.

— Блин, этот урок Священных писаний такой унылый. — пробормотала одна из них. — Мне так хочется сказать родителям, что я ни во что из этого не верю и хочу ходить в нормальную школу, но тогда они совсем взбесятся.

— Знаю, у меня то же самое. — сказала другая.

«Сколько людей в этой школе на самом деле верят?» — спросил про себя Аллен. — «Даже некоторые учителя...»

Потом они оказались в одной из учительских. Учитель строго посмотрел на него.

— Это не то, что тебе поручали сделать.

Аллен хотел протереть заплаканные глаза, но получил за это молчаливый выговор и вместо этого схватился за распятие, что помогло ему совсем не сломаться под давлением.

— Н-но это не так. — сказал он. — Вы велели произнести речь о моих мыслях о Новых псалмах, что я и сделал. Я-я действительно не думаю, что их можно сравнивать с Ветхими псалмами. Они больше чувствуются как осуждающие читателей, а не вдохновляющие их на размышления и...

— Это не было целью задания. — настаивал учитель.

У Казуи было ощущение, что этот учитель никогда не пытался объяснить Аллену или другим своих упреков, что было его ошибкой, как учителя.

— Но Бог — моя постоянная поддержка и опора. — тихо сказал Аллен, приняв это за свою ошибку. — Моя... единственная поддержка и опора. Эти Новые псалмы, написанные в семнадцатом веке, совсем непохожие на Него.

Потом Казуя и Аллен оказались на поляне при дневном свете. Как и в случае с Дзином, Аллен теперь был одет в совсем другую, более простую одежду, без распятия.

— Я просто хотел помочь ему, но он наорал на меня, как будто я предложил ему что-то ужасное. Так и было?

— Нет, это хорошо, что ты хочешь помочь своему брату. — сказал Казуя, хотя это его смутило.

Насколько он знал, эти двое не были братьями, если только...

— Но он полон решимости проявить себя, только не таким образом. — продолжал говорить он.

— Я хочу помогать таким же людям, как вы. — сказал он в своей современной одежде. — Но я чувствую, что не встречал никого, кто верил бы так же, как я. Я ошибаюсь или просто странный? Я хочу помочь тебе найти истину, найти свой путь.

Затем его одежда снова стала древней.

— Бог был щедр с нами, но меня беспокоят голоса духов здесь. Они говорят неприятные вещи.

А потом Аллен умер, был штормовой закат, и надгробие вернулось. Ветер гулял по траве и слабо шептал: «Вернись, Казуя».

Юка обняла его за спину, положив голову ему на плечо.

— Где мы их подвели? — спросила она дрожащим голосом.

— Что всё это значит? — спросил Казуя, закрывая глаза.

Гром прогремел над головой, и он почувствовал холодок в воздухе.

— Вернись.

Но осталось ли к чему вернуться, даже если он сможет? Хочет ли он вернуться и сделать всё возможное? Даже если тех, кто стоял с ним, больше нет. Это была ответственность, которую он принял. Неужели он уже потерпел неудачу только потому, что не сумел остановить Гото и Тормана?

Что-то мокрое и пушистое коснулось его щеки, тёплое дыхание как у животного. Паскаль? Казуя открыл глаза и оказался в ещё более странном месте, в очень красивом и мирном. Его нюхал олень. Когда Казуя потянулся, чтобы погладить того по голове, животное не испугалось, не убежало и не нервничало. Он сидел, прислонившись спиной к стволу дерева, как будто он заснул там.

Что-то было не так. Он чувствовал лёгкое счастье, но его мысли были неправильными. Это было не похоже на него. К сожалению, он не мог понять, что его беспокоило. Но он мог просто позволить своему разуму погрузиться в это спокойное место и больше ни о чём не беспокоиться. Даже... даже о вещах, о которых он не мог вспомнить...

Юка наклонилась к нему и положила руку ему на плечо. Казуя поднял голову и улыбнулся ей, это казалось правильным. Но потом она что-то прошептала ему.

— Возвращайся, ты должен им помочь. Тебе предстоит ещё кое-что сделать сделать.

<http://tl.rulate.ru/book/66055/1881928>